

ВОЕННЫЙ АРХИВ

Жизнь – Родине, честь – никому

Особая тема – женщины на войне. Женщины-поэты. Об одной из них, Веронике Тушиновой, поэт-фронтовик Марк Соболев писал: «Она была ошеломляюще красива!.. На Первом Всесоюзном совещании молодых писателей мы чуть ли не поголовно были в неё влюблены. А нас она воспринимала, в общем-то, на равных. Дело в том, что Вероника была удивительным другом. Не то чтоб «свой парень» – ни в коем случае, для этого она была слишком женщиной, – а какой-то надёжнейший человек. Бывшая фронтовая медсестричка; вспомним полузабытый термин: «сестра милосердия».

Другой фронтовик, поэт Михаил Дудин, вспоминал Ольгу Берггольц: «Она была голосом блокадного Ленинграда, пеленгом мужества, загадочной духовной сущью Победы, живущей во глубине глубин душ измотанных голодом и бомбёжками ленинградцев. И время выбрало именно её говорить обо всём этом со всем миром «по праву разделённого страдания», как она сама в этом призналась спустя несколько лет».

При воспоминании о Юлии Друниной первое, что крупно и рельефно выступает из памяти, – это её характер. Характер, иногда как будто бы даже превышающий человеческие силы. Чувствовалась энергия решительности, готовности к немедленному действию, поступку, что вообще свойственно фронтовому поколению, принадлежностью к которому она дорожила свято и чисто.

В её стихах нет зазора между автором и лирическим героем. Вспомним знаменитое четверостишие «Я только раз видела рукопашный...». Здесь всё – обжигающая правда, всё – о себе, никаких мистификаций, художественных вымыслов. Даже дата под стихотворением – 1943 год – есть факт не только биографии, но и поэзии, дата – как неопровержимый документ эпохи. Не случайно, когда снимался фильм С. Ростокского «А зори здесь тихие», молодые актрисы, чтобы почувствовать камертон искренности и достоверней войти в образ своих героинь – девчонок-солдат, со слезами на глазах читали военные стихи Друниной. Из её строк с фотографической точностью можно узнать, какая мера напряжения, страдания и ужаса выпала в юности на долю женщин, напих матерей, какой страшной беде заглянули они в глаза. Достоверность её стихов подтверждена и тем, что Юлия Друнина была награждена орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Фронтовики знают, каков вес этих наград на войне, не каждый мужчина удостоивался подобного признания ратных заслуг. Лишь после второго ранения, в конце 1944 года, Друнину окончательно демобилизовали. Хотя демобилизованной из солдатской юности она никогда себя не считала. Завещанием грядущим поколениям звучат её исповедальные, очень личные слова: «Жизнь – Родине, честь – никому».

Но когда предательски обрушили её страну, когда были преданы идеалы, за которые положила жизнь её юность, – связь времён и даже эпох распалась. Всё было не просто забыто, а грубо и цинично брошено на безнаказанное поругание и осмеяние «лихим девяностым», словно с цепи сорвавшейся прозападной либеральной пятой колонии, во многом опередившей и даже превзошедшей Запад, распинаящий под кровавым терновым венцом нашу Победу, нашу Родину. Последние стихи Юлии Друниной, написанные незадолго до ухода из жизни, начинались словами: «Безумно страшно за Россию...»

Геннадий Красников

Юлия Друнина
(1924–1991),
участник
Великой
Отечественной
войны

Качается рожь несжатая.
Шагают бойцы по ней.
Шагаем и мы, девчата,
Похожие на парней.
Нет, это горят не хаты –
То юность моя в огне...
Идут по войне девчата,
Похожие на парней.
1942

Я только раз видела рукопашный.
Раз – наяву. И тысячу – во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.
1943

Целовались.
Плакали
И пели.
Шли в штyki.
И прямо на бегу
Девочка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.

Мама!
Мама!
Я дошла до цели...
Но в степи, на волжском берегу,
Девочка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.
1944

Тот осколок, ржавый и щербатый,
Мне прислала, как повестку, смерть.
Только б дотащили до санбата!
Не терять сознания, не сметь!

А с носилок свешивались косы –
Для чего их, дура, берегла?..
Вот багровый дождь ударил косо,
Подступила, затопила мгла...

Ничего! Мне только девятнадцать,
Я ещё не кончила войну,
Мне ещё к победе пробиваться
Сквозь снега и марли белизну!
1973

Я родом не из детства – из войны.
И потому, наверное, дороже,
Чем ты, цену и счастье тишины,
И каждый новый день,
что мною прожит.

Я родом не из детства – из войны.
Раз, пробираясь партизанской
тропкой,
Я поняла навек, что мы должны
Быть добрыми к любой травинке
робкой.

Я родом не из детства – из войны.
И может, потому незащищённей:
Сердца фронтовиков обожжены,
А у тебя шершавые ладони.

Я родом не из детства – из войны,
Прости меня, в том нет моей вины...

Ольга Берггольц
(1910–1975)

Февральский дневник (Отрывок)

Сестра моя, товарищ, друг и брат,
ведь это мы, крещённые блокадой!
Нас вместе называют – Ленинград,
и шар земной гордится Ленинградом.

Двойною жизнью мы сейчас живём:
в кольце и стуже, в голоде, в печали,
мы дышим завтрашним,
счастливым, щедрым днём, –
мы сами этот день завоевали.

И ночь ли будет, утро или вечер,
но в этот день мы встанем и пойдём

воительнице-армии навстречу
в освобождённом городе своём.

Мы выйдем без цветов,
в помятых касках,
в тяжёлых ватниках, в промёрзших
полумасках,
как равные, приветствуя войска.
И, крылья мечевидные расправив,
над нами встанет бронзовая Слава,
держа венки в обугленных руках.
Январь-февраль 1942

Вероника Тушинова
(1911–1965),
участник
Великой
Отечественной
войны

Птица
Бои ушли. Завесой плотной
плывут туманы вслед врагам,
и снега чистые полотна
расстелены по берегам.

И слышно: птица птицу кличет,
тревожа утреннюю стынь.
И бесприютен голос птичий
среди обугленных пустынь.

Он бьётся, жалобный и тонкий,
о синеву речного льда,
как будто мать зовёт ребёнка,
потерянного навсегда.

Кружит он в скованном просторе,
звезда немислимой тоской,
как будто человеке горе
осталось плакать над рекой.

Галина Беднова
(1926–1997),
участник
Великой
Отечественной
войны.
Участник
обороны
Ленинграда

Околосемные орбиты
Околосемные орбиты
Так далеки, так далеки,
Как две атаки, что отбиты
У взбаламученной реки.
У той реки, где переправа
Разбита больше чем на треть.
И слева недруги, и справа,
И впереди и сзади смерть.
Конечно, чудом можно выжить,
Не выждать, а идти в штyki,
И гимнастёрку, плача, выжать
У взбаламученной реки.

Отстучал метроном, объявили тревогу.
За суровым стихом
отправляюсь в дорогу.
По замёрзшей Неве
прохожу под обстрелом.
Город мой в синеве, в инее белом.
И обстрел больше суток,
и бомбят среди дня.
Я сама санинструктор,
не бинтуйте меня.